

«Несмотря на всякого рода переживания и невзгоды...»

М.Ю.Сорокина

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва, Россия)

Юбилей выдающегося химика Владимира Николаевича Ипатьева (1867–1952) приходится на год столетия Октябрьской революции, сыгравшей значительную роль в судьбе самого ученого и всех его близких. Как истинный патриот Ипатьев отдавал все свои таланты и силы родине независимо от системы власти в России. Несмотря на это, только вынужденная эмиграция спасла его от ареста в годы сталинских репрессий. Семья ученого оказалась разорвана — в СССР остались дочь и сын, которым пришлось многое пережить. А мечте Владимира Николаевича вернуться на родину не суждено было сбыться...

Ключевые слова: Российская академия наук, В.Н.Ипатьев, русская эмиграция, история химии.

Академик В.И.Вернадский (1863–1945) записал 14 ноября 1938 г. в дневнике: «Вчера работал над книгой. Основные черты демократии выяснил себе как ноосферные явления. Думал хорошо. Был у Комарова в связи с цензурой — не допускают и искажают *Chemische Zentralblatt!* Два № задержаны. В них нет начала (рефераты о двух новых работах Ипатьева!?)» [1]. Так в одной дневниковой записи ученого оказались навсегда связаны для потомков демократия, ноосферные явления и попытки уничтожить память о самом известном русском химике XX в. — академике В.Н.Ипатьеве (1867–1952).

В разгорающейся топке Большого террора 29 декабря 1936 г. Владимир Николаевич был исключен из числа действительных членов АН СССР, а 5 января 1937-го решением ЦИК СССР лишен советского гражданства [2–6]. Декабрьское постановление Общего собрания АН СССР гласило: «С 1927 г. действительный член Академии Наук Союза ССР В.Н.Ипатьев находится за границей. В.Н.Ипатьев сообщил Президиуму Академии Наук Союза ССР, что считает невозможным в настоящее время вернуться на родину и возобновить работу в Академии Наук, так как связан контрактом с иностранной коммерческой фирмой. Отказываясь возвратиться к работе в Академии Наук, решительно предпочитая работать в иностранной коммерческой фирме, В.Н.Ипатьев грубо нарушает основной долг каждого гражданина Союза ССР — трудиться на благо своей родины. Считая поведение В.Н.Ипатьева явно несовместимым с достоинством советского гражданина и тем более со зва-

Марина Юрьевна Сорокина, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом истории русского зарубежья Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Область научных интересов — социальная история отечественной науки, архивное наследие ученых.

нием действительного члена Академии Наук, Общее собрание Академии Наук Союза ССР, в соответствии с §24 Устава Академии, постановляет: лишить В.Н.Ипатьева звания действительного члена Академии Наук Союза ССР*». Сегодня хорошо известно, что почти все сведения в этом тексте были фальсифицированы, начиная с даты отъезда академика. Но инерции клеветы и лжи вполне хватило на то, чтобы в списках действительных членов Академии имя Ипатьева было восстановлено только через 50 лет, в период горбачевской перестройки, посмертно**.

Есть что-то символическое в том, что 150-летний юбилей В.Н.Ипатьева приходится на год столетия Русской революции. Прижизненная и посмертная судьба выходца из старинного дворянского рода, одного из создателей российской химической промышленности и в то же время советского военно-промышленного комплекса,

* Цит. по: www.ihst.ru/projects/sohist/document/chim36.htm

** 22 марта 1990 г. Общее собрание Академии наук СССР приняло постановление «О восстановлении (посмертно) в членах Академии наук СССР ученых, необоснованно исключенных из Академии наук СССР», в том числе В.Н.Ипатьева.

оказались так тесно переплетены с драматической историей революций 1917 г., как мало у кого из академиков дореволюционного избрания.

Владимир Николаевич Ипатьев родился 9 (21) ноября 1867 г. в Москве, и буквально в дни октябрьского переворота 1917 г. ему исполнилось 50 лет. Он был в расцвете своей профессиональной научной карьеры: в ноябре 1914 г. Императорская академия наук избрала Ипатьева членом-корреспондентом по Отделению физико-математических наук, в январе 1916 г. — действительным членом по тому же отделению. Генерал-лейтенант Русской императорской армии, заслуженный профессор Михайловской артиллерийской академии, председатель Химического комитета при Главном артиллерийском управлении, куда для обеспечения снабжения фронта вошли все наиболее известные русские химики, Ипатьев по праву занимал место одного из лидеров российской науки и оборонной промышленности.

Как преодолеть трагический и губительный для судьбы России разрыв между самодержавием и различными общественными силами в условиях тяжелого военного кризиса? Этот вопрос долго

и безуспешно пытались решать и наиболее дальновидные деятели правительства, и лидеры политических партий, и военные, и студенчество. Общенациональный кризис, вызванный Первой мировой войной и нарастающей революционной ситуацией в стране, стал тем вызовом времени, на который пришлось отвечать и академической элите. И она оказалась способной быстро и эффективно реагировать на социально-политические изменения. Это и сделало в недалеком будущем бывшую Императорскую академию наук ведущим научным институтом, определяющим развитие всей советской науки и общества; «первенствующее ученое сословие» — лучше любого государственно-бюрократического органа.

Ипатьев оказался в числе тех специалистов, которые почти сразу после большевистского переворота начали тесно сотрудничать с новой властью, исходя из интересов измученной военными неудачами и социальными конфликтами, фактически распадающейся страны. В своих мемуарах, написанных в 40-е годы уже в эмиграции в США, он вспоминал, что на вопрос немецкого коллеги, почему он не покидает СССР и не переезжает за границу, где мог бы найти значительное более комфортные условия для научной работы, не замедлил ответить: «...я, как патриот своей родины, должен остаться в ней до конца моей жизни и посвятить ей все силы. Проф. Эйнштейн слышал мой ответ и громко заявил: «вот этот ответ я вполне разделяю, так и надо поступать» [7, т.2, с.483].

Вероятно, такое понимание своей гражданской и научной миссии было сформировано у Владимира Николаевича еще семьей. Его отец, известный архитектор Николай Алексеевич Ипатьев (1839–1890), навсегда оставил о себе память в Москве проектированием многих православных храмов. Мать, Анна Дмитриевна (урожденная Глики; умерла в 1877 г.), гречанка по происхождению, также принадлежала к высококультурной семье медиков, математиков, педагогов.

Родной брат — Николай Николаевич Ипатьев (1869–1938), военный инженер, участник многих проектов по строительству железнодорожных магистралей, в том числе сложнейшей по природным условиям части Пермь-Котласской дороги. Выйдя в 1906 г. в отставку, он поселился в Екатеринбурге, создал небольшую строительную фирму, вел активную общественную и краеведческую деятельность. Гласный Екатеринбургской городской думы, Николай Ипатьев входил в комитет по постройке Уральского горного института. Однако Большой истории он известен не общественной или предпринимательской деятельностью... В 1908 г. Николай Ипатьев приобрел особняк («Ипатьевский дом»), навсегда вошедший в историю России как место расстрела в 1918 г. последнего российского императора Николая II и его семьи и ставший одним из символов русской трагедии XX в. Хозяин дома разделил печальную судьбу

многих людей его круга, став беженцем. Вместе с женой Марией Федоровной (урожденной Гельцер) он эмигрировал в Японию, затем жил в Чехословакии, где и скончался в Праге. Похоронен в крипте храма Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладбище.

«Несмотря на всякого рода переживания и невзгоды, без которых не может обойтись ни одна человеческая жизнь, — вспоминал Владимир Николаевич, — я должен, однако, признать, что моя жизнь сложилась очень благоприятно как для научной деятельности, так и для частной жизни» [7, т.1, с.XIII]. Собственно семейная жизнь академика Ипатьева была счастливой. Вместе с супругой Варварой Дмитриевной (урожденной Ермаковой; умерла в 1952 г.) он прожил всю жизнь. А вот траектории судеб их детей — трех сыновей и дочери — оказались весьма непростыми, в чем отразился непредсказуемый драматизм XX в. Старший сын Дмитрий родился в 1893 г. Ему было чуть больше 20 лет, когда он — прапорщик запаса Гвардейского артиллерийского дивизиона — добровольцем отправился в августе 1914 г. на фронт Первой мировой войны, быстро дослужился до командира роты, был удостоен нескольких орденов, но 3 сентября 1915 г. погиб под Вильно. Его смерть была огромным ударом для всей семьи. Тело Дмитрия перевезли в Москву и похоронили на Ваганьковском кладбище, где его захоронение сохраняется и поныне на участке его бабушки Софьи Федоровны Гельцер, представительницы известной артистической семьи.

Средний сын — Николай (1896–1935) — также прошел через все испытания войн, и его жизненный путь оказался наиболее изломанным среди всех Ипатьевых. Долгие годы о нем ничего не было известно; считалось, что он «пропал» в Африке. И лишь недавно, благодаря подвижнической деятельности В.К.Ронина [8], стали известны некоторые подробности необычной судьбы Николая Владимировича. В 1914 г. он, зачисленный по настоянию отца на юридический факультет Петербургского университета*, с началом Первой мировой войны перешел в Николаевское кавалерийское училище и в 1915 г. уже числился в 1-м гусарском Сумском полку. На фронт отправился уже в составе Кавказской туземной («Дикой») конной дивизии под командованием брата государя, великого князя Михаила Александровича. Вскоре 20-летний штаб-ротмистр Ипатьев стал адъютантом команду-

* Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф.14. Оп.3. Д.65197.

Могила старшего сына и дочери.

щего 5-й армией Северного фронта генерала от кавалерии А.М.Драгомирова и после захвата власти большевиками некоторое время скрывался на даче Ипатьевых в Калужской губернии.

Там, в с.Товарково на р.Угре, еще в 1905 г. Владимир Николаевич купил у крестьян участок около 50 десятин возле церкви Рождества Христова

Современная панорама: правый берег Угры со стороны пос.Товарково.

Все, что осталось от усадьбы Ипатьевых: старый яблоневый сад и остатки фундамента дома.

и к 1906 г. построил большой дом. Дача, первоначально задуманная для летнего отдыха, вскоре превратилась в образцовое хозяйство с передовым землепользованием и плодоносящим яблоневым садом. Вместе с небольшим заводиком по разведению породистых лошадей (увлечение детей!) они служили примером для соседских крестьян и других землевладельцев. Сегодня от хутора семьи Ипатьевых остались лишь восстановленная усилиями энтузиастов церковь, фундамент господского дома и по-прежнему обильно плодоносящий старый яблоневый сад.

Пережив вместе с матерью начальный период Гражданской войны на Угре, к декабрю 1918 г. Николай Ипатьев оказался на Украине, а затем, в 1919 г., уже в Бельгии, где в числе первых русских беженцев поселился в Брюсселе. Молодому человеку, который находился в тяжелом материальном положении и даже подумывал о самоубийстве, помог старый знакомый отца, инженер и промышленник Д.А.Пеняков, в то время директор химического предприятия неподалеку от Гента. И Николай поступил в Государственный агрономический институт в Жамблу, в 42 км к юго-востоку от Брюсселя. Это был один из первых бельгийских вузов, куда начали поступать русские эмигранты, он имел хорошую международную репутацию, и около трети его студентов составляли иностранцы. В 1922 г. Николай Ипатьев окончил этот институт с отличием и получил диплом инженера-агронома.

Большое место в его жизни занимала эмигрантская общественная деятельность. Член Союза русских монархистов, Николай Ипатьев собирал пожертвования в «Особую казну» великого князя Николая Николаевича, был делегатом Российского зарубежного съезда 1926 г. в Париже от русской эмиграции в Бельгии. Позже, весной 1930 г., он оказался среди самых первых и самых щедрых жертвователей на сооружение в Брюсселе русского православного храма Св. Иова Многострадального «в память Царя-Мученика Николая II и всех

русских людей, богоборческой властью в смуте убиенных», присылая взносы из Конго.

Неудивительно, что случайно (случайно ли?) встретив своего отца в январе 1922 г. в Брюсселе, куда академик приехал в командировку как советский правительственный эксперт, он не обрадовался этой неожиданной встрече. Однако любопытно другое. Несмотря на очевидную разницу в понимании своего гражданского долга, отец и сын не собирались обрывать контакты и вскоре встретились еще раз — в Берлине в середине 1923 г. Возможно, они пересекались еще не раз; во всяком случае, имя и образ отца всегда сопровождали и охраняли Николая в его трудной судьбе.

К середине 1920-х годов Николай Ипатьев сменил немало служб: работал химиком на плавильном заводе драгоценных металлов, на фабрике красителей и т.д. Но в 1926 г., как и многие русские эмигранты, искавшие более адекватного применения своим знаниям и талантам, он поступил на государственную службу в Бельгийском Конго. Важную роль сыграло его знакомство с профессором химии Ж.Пирартсом, возглавлявшим лабораторию в Министерстве колоний Бельгии. И в октябре 1926 г. Ипатьев отплыл в Конго, где ему предстояло стать помощником директора химической лаборатории в Леопольдвиле. С этого момента последующие 10 лет его жизни оказались связаны с Африкой, где он и остался до конца своих дней.

В эти годы в бельгийской части Африки русских можно было найти повсюду. Многие бывшие белые офицеры и члены их семей, став инженерами и служащими различных частных и государственных компаний, строили мосты и прокладывали дороги, изучали гидрографию новых территорий и местную флору и фауну, лечили больных, учили детей и местное взрослое население. Ежедневно совершали подвиг повседневности вопреки словам поэта: «Будешь мереть по ямам африканским...»*.

* Из поэмы Владимира Маяковского «Хорошо!» (1927).

Среди этих людей — известный исследователь Арктики и первооткрыватель Северной Земли Борис Андреевич Вилькицкий (1885–1961), супруги Малевские-Малевичи — Святослав Святославович (1905–1973), художник, химик и дипломат, и его супруга Зинаида Алексеевна (урожденная княжна Шаховская, 1906–2001), писательница, широко известная своими мемуарами «Таков мой век», и многие-многие другие русские беженцы.

Николай Ипатьев работал в Службе промышленности и торговли в провинциях Конго — Касаи и Кокийявил (ныне Мбандака, Экваториальная провинция), но едва ли не каждая новая должность заканчивалась для него конфликтом с начальством. Ипатьевский «ген» исследователя, ученого, творца не оставлял ему возможности смириться с рутинной лабораторной работой по изучению качества продуктов... Влекло Ипатьева-младшего совсем другое — научное исследование алкалоидов, применяемых в народной медицине африканцев. В июне 1930 г., посетив плантацию масличных пальм на р.Монгала в округе Убанги (Конго), он впервые услышал от местных жителей об отваре из листьев растения «эфери»*, который очень помогает при лихорадке. Когда осенью он поехал в г.Элизаветвиль, где должен был возглавить химическую лабораторию, взял с собой на анализ загадочные листья.

С февраля 1932 г. Николай Ипатьев приступил к исследованию химических свойств горького экстракта эфирина, а уже в октябре отправил в Брюссель статью, где заявил на основании собственного опыта, что эфирин действует лучше и быстрее, чем хинин, обладая к тому же как тонизирующим, так и успокаивающим эффектом. Позднее в некрологе исследователя будет написано о его надеждах, что открытое им лекарство против малярии вскоре заменит в колониальной медицине сравнительно дорогой хинин.

Надеждам ученого не суждено было сбыться. Он скончался 20 января 1935 г. в г.Стэнливиле (ныне Кисангани, город на северо-востоке Конго) в возрасте 38 лет. По словам его отца, Николай Владимирович «геройски погиб при исполнении своего долга», испытав на себе открытое им средство против желтой лихорадки [7, т.1, с.XIV]. Так или иначе, но, несмотря на идейные расхождения, и в своей европейской, и в своей африканской профессиональной жизни сын шел по стопам отца, как и те дети академика, которые остались в СССР.

Младший сын Владимира Николаевича — Владимир — был доктором химических наук, работал

* Вероятно, речь идет о базилике эвгенольном (*Ocimum gratissimum*) — богатом алкалоидами растении родом из Африки, которое местные жители именуют эфирином и используют в качестве лекарственного средства. Антималарийные свойства у *Ocimum gratissimum* подтвердили в 2005 г. камерунские биохимики из Университета Дуалы (Doi:10.1055/s-2005-837745). — Примеч. ред.

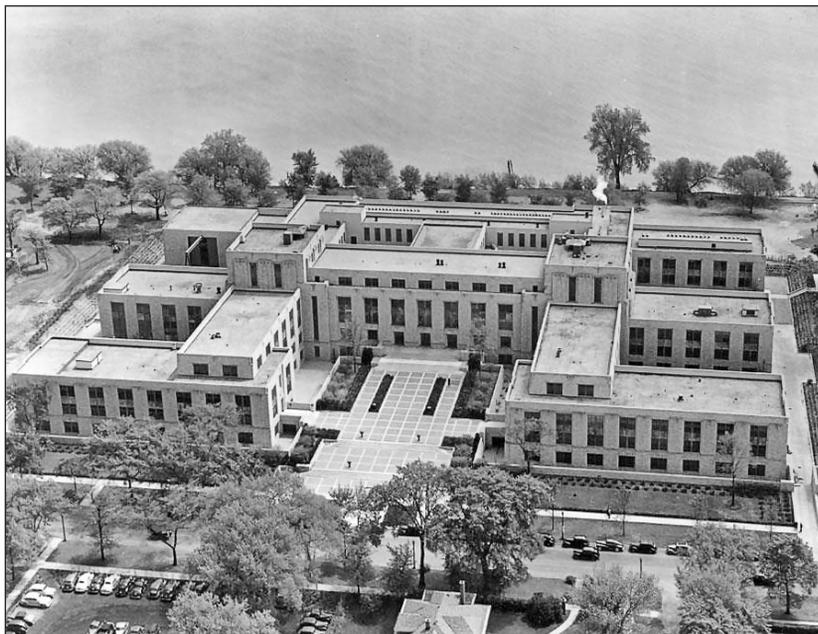
в Ленинграде**. Летом 1941 г. он был арестован и освобожден из заключения в июле 1946 г., умер в 1955 г. Любимая дочь Владимира Николаевича — Анна (1894–1958) — также химик по специальности. Она была одним из немногих людей, кто постоянно общался с отцом. Его письма к дочери сохранились в Петербургском филиале Архива РАН***. Согласно ее завещанию, она похоронена на Ваганьковском кладбище, рядом с братом Дмитрием.

Как легко заметить из этого беглого обзора, поколение детей Ипатьевых прошло через все «муки» русского XX в. Их отец, который, казалось бы, занимал самое высокое профессиональное положение при большевистской власти, — председатель Комиссии по организации и демобилизации химической промышленности при Всероссийском совете народного хозяйства (ВСНХ, 1918), с 1921 г. начальник Главного управления химической промышленности ВСНХ и член его Президиума, а в 1923–1926 гг. — председатель Химического комитета при Реввоенсовете, осуществляющий руководство всеми военно-химическими работами в СССР, правительственный эксперт по научно-техническим вопросам с постоянными поездками в Европу, лауреат премии имени В.И.Ленина (1927), директор Лаборатории высоких давлений в Ленинграде (с 1929 г. — Государственный институт высоких давлений), — также испытал все взлеты и падения русской интеллигенции при большевистском режиме.

Аресты коллег и близких друзей В.Н.Ипатьева в 1929 г. буквально вынудили академика принять решение о необходимости покинуть СССР. Так, его ближайший ученик, физикохимик, Евгений Иванович Шпитальский (1879–1931), профессор Московского университета и член-корреспондент АН СССР, арестованный в начале 1929 г., на «процессе Промпартии» был назван одним из главных «вредителей» в химической промышленности и руководителем «вредительской цепочки», а затем погиб в заключении. И после того как в июне 1930 г. Владимир Николаевич вместе с женой Варварой Дмитриевной выехал в Берлин для участия во 2-м Международном энергетическом конгрессе, на родину они уже не вернулись. После завершения конгресса Ипатьевы, в надежде на успешную операцию тяжело болевшей супруге и с согласия АН СССР, выехали в США, где со временем Владимир Николаевич получил престижное место профессора Северо-западного университета и директора Лаборатории катализа и высоких давлений в Эванстоне (пригород Чикаго). В эти годы Ипатьев активно публиковал свои научные рабо-

** В литературе неоднократно указывалось, что в 1936 г. он публично отрекся от отца-«невозвращенца» на Общем собрании АН СССР. Однако есть сведения, что данная запись была фальсифицирована, и, таким образом, этот историографический факт требует уточнения.

*** СПбФ АРАН. Ф. 941. Оп.1. Д. 49.

Северо-западный университет в Эванстоне (пригород Чикаго), 1942 г.

ты; в 1939 г. он был избран членом Национальной академии США и постоянно номинировался коллегами на Нобелевскую премию по химии — в 1938, 1941, 1942, 1948–1950 гг.

Несмотря на долгое отсутствие, до 1937 г. В.Н.Ипатьев продолжал публиковаться в СССР. В апреле 1936 г. по издательскому плану АН СССР на русском языке вышла его монография о катализе при высоких давлениях, но уже с середины того

ментально не подтверждая этого. И даже А.А.Громыко, посол СССР в США в годы Второй мировой войны, а затем многолетний министр иностранных дел СССР, писал, что академик Ипатьев сидел у него в приемной и рыдал, получая очередной отказ в визе на родину [9]. Свидетельства эти кажутся сомнительными. Но сам академик, действительно, до конца своей жизни испытывал горькое чувство оторванности от родины: «Почему сложились так обстоятельства, что я все-таки принужден был остаться в чужой для меня стране, сделаться ее гражданином и работать на ее пользу в течение последних лет моей жизни?» [7, т.2, с.484].

Дочери Анне он писал в Ленинград 2 декабря 1945 г.: «Работа здесь научно, я, однако, никогда не забывал, что всякое новое достижение приносит также пользу и моей Родине. Хотя мы и не испытывали здесь голода и холода во время войны, но должен тебе сказать, что мучительно переживал все начальные военные неудачи нашей Красной Армии, но, однако, верил, что потенциальная энергия русского народа возьмет свое и он выйдет победителем, несмотря на все лишения»*.

Вера в Россию и ее народ всегда были важной доминан-

С французским химиком, лауреатом Нобелевской премии 1912 г. П.Сабатье.

* СПбФ АРАН. Ф. 941. Оп.1. Д.42. Л.5–6.

Банкет по случаю золотой свадьбы четы Ипатьевых, 1942 г.

той мироощущения академика Ипатьева. И когда в 1946 г. Александра Львовна Толстая (1884–1979) создала при Толстовском фонде специальный Комитет по оказанию помощи русским ученым и профессорам, находившимся в Европе в лагерях для перемещенных лиц («Профессорский фонд»), в состав его исполкома, наряду с известными русскими учеными, жившими в США (П.А.Сорокиным, И.И.Сикорским, М.М.Карповичем, М.И.Ростовцевым и др.), вошел и Владимир Николаевич Ипатьев. Благодаря их высокому авторитету к деятельности Профессорского фонда удалось привлечь многих американских коллег и помочь переезду в США нескольким сотням русских деятелей науки и высшей школы [10].

29 ноября 1952 г. В.Н.Ипатьев скончался в Чикаго и похоронен на кладбище Элмвуд (штат Иллинойс). Рядом с ним покоится жена, Варвара Дмитриевна, пережившая мужа всего на девять дней. На Свято-Владимирском православном кладбище в г.Джексоне (штат Нью-Джерси) установлен памятный обелиск в честь ученого.

Даже после кончины ученого его имя многие десятилетия вымарывалось из истории отечественной науки. Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС в письме в Секретариат ЦК от 23 апреля 1959 г., отмечая идеологические ошибки при подготовке биографических справок дополнительного, 51-го, тома Большой советской энциклопедии, отнес к таковым и статью об Ипатьеве — «химик-органике, который... не вернулся в СССР, работал в США и выступал против Советского Союза». Несмотря на посмертное восстановление в статусе действительного члена Академии наук, интереснейшие двухтомные мемуары ученого долго не находили своего издателя и были впервые опубликованы в России только в 2011 г. при содейст-

вии действительного члена РАН, доктора химических наук, профессора, лауреата Государственной премии России, лауреата международной энергетической премии «Глобальная энергия», научного руководителя Института катализа имени Г.К.Борескова Сибирского отделения РАН В.Н.Пармона.

С супругой Варварой Дмитриевной, 1942 г.

Но время неумолимо все расставляет на свои места. Сегодня благодаря личной инициативе и неустанной деятельности группы энтузиастов во главе с кандидатом медицинских наук Т.А.Сидоровой выявлено много новых сведений о семье великого ученого, и медленно, но верно восстанавливается дача-хутор академика В.Н.Ипатьева, находящаяся ныне на территории Национального парка «Угра». Нет сомнений, что пришло время

объединить усилия всех исследователей и организаций (Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова и др.), заинтересованных в создании Мемориального фонда академика В.Н.Ипатьева, в рамках которого получили бы развитие различные проекты краеведческого, историко-научного и научно-исследовательского характера. ■

Литература / References

1. *Вернадский В.И.* Дневники, 1935–1941. Ред. В.П.Волков. М., 2006; 1: 352. [*Vernadsky V.I. Dnevniky (Diaries), 1935–1941. V.P.Volkov (ed.). Moscow, 2006; 1:352. (In Russ.).*]
2. *Кузнецов В.И.* Превратности творчества академика В.Н.Ипатьева. Репрессированная наука. Л., 1991; 367–376. [*Kuznetsov V.I. Reverses of Creations of V.N.Ipatieff. Repressed Science. L., 1991; 367–376. (In Russ.).*]
3. *Кузнецов В.И.* Владимир Николаевич Ипатьев: Научная биография. М., 1992. [*Kuznetsov V.I. Vladimir Nikolayevich Ipatieff: Scientific Biography. Moscow, 1992. (In Russ.).*]
4. *Волков В.А.* А.Е.Чичибабин и В.Н.Ипатьев — трагические судьбы. Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993; 40–71. [*Volkov V.A. A.E.Chichibabin and V.N.Ipatieff — Tragic Fates. Russian Scientists and Engineers in Exile. Moscow, 1993; 40–71. (In Russ.).*]
5. *Соловьев Ю.И.* Владимир Николаевич Ипатьев и Алексей Евгеньевич Чичибабин. Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995; 46–53. [*Soloviev Yu.I. Vladimir Nikolayevich Ipatieff and Aleksey Yevgenyevich Chichibabin. Tragic Fates: Repressed Scientists of the USSR Academy of Sciences. Moscow, 1995; 46–53. (In Russ.).*]
6. *Блох А.М.* «Нобелиана» Петра Лебедева и Владимира Ипатьева. Природа. 2002; 4: 67–71. [*Blokh A.M. The Nobel Nonprize to Petr Lebedev and Vladimir Ipatyev. Priroda. 2002; 4: 67–71. (In Russ.).*]
7. *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика. Нью-Йорк, 1945. [*Ipatieff V.N. The Life of a Chemist. N.Y., 1945. (In Russ.).*]
8. *Ронин В.К.* «Русское Конго». 1870–1970. М., 2009; 1–2. [*Ronin V.K. «Russian Congo». 1870–1970. Moscow, 2009; 1–2. (In Russ.).*]
9. *Громыко А.А.* Памятное. М., 1988; 2: 114. [*Gromyko A.A. Memorable. Moscow, 1988; 2: 114. (In Russ.).*]
10. *Ульянкина Т.И.* Спасение ученых от нацизма в 1933–1941 гг.: Беженский университет Э.Джонсона и Толстовский фонд (Нью-Йорк). Вопросы истории естествознания и техники. 2007; 4: 78–108. [*Uliankina T.I. Rescue of scientists from Nazism, 1933–1941: Alvin S.Johnson's Refugee University and Tolstoy Fund (New York). Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki. 2007; 4: 78–108. (In Russ.).*]

“Despite the different affections and misfortunes...”

M.Yu.Sorokina

Alexander Solzhenitsyn Center for the Study of the Russian Diaspora (Moscow, Russia)

The anniversary of the distinguished chemist Academician Vladimir Nikolaevich Ipatieff (1867–1952) is celebrating at the year of the centennial jubilee of the 1917 October Revolution, which played a significant role in the fate of the scientist and his family. As a true patriot, Ipatieff contributed all his talents and efforts to his country, regardless of the system of power in Russia. Despite this, only forced emigration saved him from arrest during the years of Stalin's repression. The family of the scientist was torn up — in the USSR there was a daughter and a son who had to endure much. And Ipatieff's dream of returning to his homeland was not destined to come true...

Keywords: Russian Academy of Sciences, Vladimir Ipatieff, Russian emigration, social history of chemistry.